

Наша задача во Фракии была очевидной, и от того, практически, бесполезной.

Золотая чаша, наполненная духовным вином – это были все указания, что нам дал Овод, вместе со смутной меткой на бесконечном клочке земли, где мы можем найти её. Воинственность в моём сердце уговаривала меня дословно последовать его инструкциям, коснуться моей ногой Фракийской земли и наполнить первую попавшуюся золотую чашу самым дешёвым духовным пойлом, что я смогу купить. Учитывая время, потраченное на плавание туда и обратно, мы уже теряем неделю вне зависимости от результатов – и три месяца могут пройти в мгновение ока, если мы решим исследовать.

Умеренность моего предательского разума, однако, призывала против этого, и потому план Римлянина, в конце концов, победил. Я хотел покончить с этими поручениями, но слишком легко мог представить себе мир, в котором мы вернулись в Олимпию с неподходящими ингредиентами, и нас снова отправили обратно, выполнять работу правильно. Так что, как бы меня это не раздражало, у нас не было выбора, кроме как сделать то, что нам сказали.

Овод крепко держал поводья в этом договоре. Я пришёл в Олимпию, чтобы увидеть Оракула, но более того, я пришёл, чтобы поговорить с ней – и, насколько это понимал Овод, последнее было невозможно без божественного лекарства. У меня были мои сомнения и, если честно, я был уверен, что смертные руки могут излечить проблему, если бы только Старый 'Залос смог найти целителя достойного своего звания. Если бы только у меня было время, чтобы полноценно посвятить себя изучению медицины, я знал, что я смог бы излечить её без какого-либо нектара.

Если бы только у меня было время.

Но, учитывая нынешнее положение вещей, я только начал идти по пути целителя пару недель назад, и Олимпийские Игры были через четыре месяца. Это означало, что у меня было три месяца, чтобы достигнуть Героического Царства или найти другой способ войти как участник, иначе дорога для меня будет полностью закрыта. У меня были некоторые идеи насчёт этого, но они потребуют времени, губительного времени необходимого для каждой из них.

Судьбы оставили меня на рынке, который принимает лишь одну валюту, время, и я был невероятно бедным человеком. Ни один из доступных мне вариантов не был привлекательным.

Если я решу танцевать под дудку Овода, выполняя его поручения за него, то я рискую пропустить возможность участвовать в играх. Я также рискую моей аудиторией с Оракулом – Овод сказал, что он лишь должен быть способен синтезировать нектар, а не то, что он сможет это сделать с уверенностью.

Если я решу бежать по пути целителя и исцелить Оракула самому, то я поставлю себя в противостояние с Солом. Интересная перспектива, в обычных обстоятельствах, но в данном случае – лишь помеха. Девчонка никогда не согласится отказаться от этого похода, не теперь, когда он был ей предложен, и я знаю Сола достаточно хорошо, чтобы знать, что он не оставит её в этом устремлении, без веской на то причины. И я всё ещё рисковал пропустить мой шанс на участие, даже тогда.

Сократ держал нас за шиворот, и он знал это. Даже если мы знаем, что он намеренно говорит расплывчато, даже если мы знаем, что он скрывает от нас нашу цель, чтобы держать нас подальше от его города, у нас было мало вариантов кроме как, терпеть это и сделать лучшее, что мы можем, с тем временем, что у нас есть. В конце концов, как Сол и указал на пляже, что ещё мы можем сделать? Поспрашивать в округе? Сделать нектар самим?

Да. Очевидно, что именно это мы и собираемся сделать.

Мы не могли просто взять первую попавшуюся золотую чашу и наполнить её вином из мочи, это, скорее всего, было правдой. Мы также не можем слепо бродить по Средиземноморью и за его пределами без какой-либо идеи, что мы вообще ищем, по крайней мере, не если мы хотим уложиться хоть в какие-то временные рамки. К счастью, вскоре после того как мы с Солом пришли к этому решению, мы также обнаружили что нам и не нужно.

Морские псы, которых мы освободили от пиратов, были спутанным комком неудачников, мягко говоря, а говоря честно, ещё на нашем пути в Олимпию, более месяца назад, я обнаружил, что они были отбросами, коих их рабовладельцы просто не смогли продать. Недостаточно красивые для сексуальных работ, недостаточно молодые, здоровые или сильные, чтобы купить их как шахтёров или полевых рабочих, и, каким-то образом, ни один из них не является достаточно смышлёным в ремесле торга, чтобы привлечь внимание торговца.

Их ситуация была настолько трагичной, что она пересекала грань и становилась комичной. Они все были бесполезны. Каждый из них был худшим из их группы, каждый был единственным не проданным рабом. Бесполезные для всего, кроме гребли.

Они были бесполезны, и они были именно тем, что нам было нужно.

По счастливой случайности или по божественной помощи, но у нас было десять человек с абсолютно разным происхождением, что были так презрительно скованы вместе и брошены нам на колени более месяца назад, и десять мест назначения, на карте, что нам дал Овод. И так уж получилось, что на каждую локацию, отмеченную золотом, был, по крайней мере, один грязный морской пёс, что уже бывал там ранее. И в случае с некоторыми, как с Фракийцем например, были даже те, кто родился и вырос в некоторых из этих мест.

Каждый из этих десяти человек решил не возвращать корабль моего кузена, как я им советовал, по своим разнообразным глупым причинам, и они решили вернуть свой воображаемый долг мне и моему Римлянину своей службой. Они были крайне счастливы поделиться с нами своими знаниями и историями о местах, в которых они были, и о домах, из которых их забрали. И самое лучшее, они были готовы сделать это бесплатно.

Они могли лгать, конечно, либо ради того, чтобы рассказать более интересную историю, либо, чтобы спасти себя от личного смущения. Я сомневался, что они могли обмануть меня или Сола, однако. Раб с достаточными для такого актёрскими способностями давно бы уже был куплен. Я был достаточно уверен в этом, чтобы сделать на это ставку, как и Сол.

Поэтому, вместо того чтобы слепо блуждать по каждой нации, отмеченной золотой меткой, в поисках местных, готовых провести нас к запретным знаниям, или ожидать пока Овод решит сделать себя полезным, мы могли использовать наших морских псов. Итак, был ли любой из них особенно осведомлённым о мифах, лежащих за божественным нектаром? Конечно, нет. Знал ли любой из них что-нибудь о покойном Тиране Бакхусе, по следам которого мы

следовали? Меньше нашего, это уж точно.

Их прошлый опыт был полезен, но только если мы знали какие вопросы им задать.

На удивление, это была часть, где Скифас решил отработать свою долю.

•

Мы причалили, когда солнце упало с неба. В нашу первую ночь во Фракии мы обследовали ближайший берег в поисках торговца, готового продать нам пару нормальных лошадей. И в наш первый день мы взяли Фракийца с собой.

— Вот так, žibùtè, — сказал мне Хабур, с терпением старика, ловко избегая щёлкающих зубов злобной лошади, пока он седлал её. Он был довольно проворным для старика, и он управлялся с лошадью без страха.

Не то чтобы звери, которых добыл нам Скифас, были чем-то достойным страха. Гигантские кони-людоеды были заботой Чемпиона, когда он посетил Фракию в далёкий Золотой Век Героев – эти же звери были едва достаточно большими, чтобы на них можно было ездить, не говоря о том, чтобы быть достаточно чудовищными, чтобы требовать железных привязей и бронзовых стоил. Я подождал и позволил старому морскому псу показать мне свой метод, хотя бы из вежливости.

— Вот! — хмыкнул Хабур, поднимаясь на свою лошадь и ударяя её по задней ноге, когда она слабо брякнулась. — Невероятно просто! Даже Грек сможет повторить.

Я посмотрел на лошадь, предоставленную мне, пока она ёрзала на месте. Она была стройной вещицей, слегка выше той, что у Хабура, но с ногами такими тонкими, что было удивительно, что она может держать свой вес, не говоря уже о моём. Её шерсть была белой под слоем грязи, а грива вместе с хвостом чернильно-чёрной. Достаточно милая, я полагаю, если не считать взгляда, которым она на меня смотрит.

Я потянулся пустой рукой, чтобы отвлечь её, пока другая подносила кожаную упряжь, повторяя за Хабуром. К сожалению, моя лошадь тоже обращала внимание на его урок. Стройная лошадь не обратила внимание на моё пустую руку и схватила зубами седло, поднимая свою голову со всей силой своего тела.

Четыре кулака панкратиона ударили её голову с каждого направления, и лошадь упала как свинцовая гиря. Я сел на её голую спину и ободряюще похлопал её.

— Поднимайся. Есть места, где нам нужно быть, — проинформировал я нахальное вьючное животное. Что-то похожее на "хм" вышло изо рта лошади, и она поднялась на неустойчивые ноги.

Я выжидающе посмотрел на старого Фракийца. Губы старого морского пса сжались, словно я заставил его укусить лимон. Его коренастая лошадь выглядела слегка нервной.

— Это то, как вы обращаетесь с лошадьми в Алом Городе? — презрительно спросил Скифас, ведя свою лошадь за поводья. Он уже оседлал свою лошадь, зверь был больше моей и со слегка более короткими ногами. Он запрыгнул на его спину с нечеловеческой грацией и усмехнулся мне, словно он что-то доказал.

— Нет, — ответил ему Сол, ведя свою лошадь за упряжь. — Он просто нетерпеливый. — Раздражённые крики и радостный смех Селены донеслись из конюшни позади нас. Похоже, что её лошадь решила не сдаваться без боя.

— Ты не можешь так обращаться с лошастью, на которой собираешься ехать, — сказал Хабур, старый Фракиец, наконец, нашёл слова, чтобы выразить свой дискомфорт. — Особенно не с Фракийской лошастью. Она возненавидит тебя до смерти.

— Она может ненавидеть меня и в подземном мире, если хочет, — легко сказал я, сжимая пригоршню её блестящей чёрной гривы вместо поводьев. — До тех пор, пока мы понимаем друг друга.

Белоснежная лошадь вскинула голову и фыркнула, стряхивая остатки головокружения. Она вернулась к тому же, чем она занималась, прежде чем я оседлал её, ёрзая на месте и присматривая место, куда бы убежать. Она справится с задачей, поставленной перед нами.

Хотя я, скорее всего, смог бы справиться быстрее без неё. Но это была "цена ведения дел во Фракии" как выразился добрый Герой.

Злобные Фракийские ругательства и вопль молодой женщины оповестили о прибытии последнего члена нашей группы, чёрный жеребец вылетел из конюшни с Селеной опасно балансирующей на его спине. Её глаза были широко открыты, но пламя за ними пылало весельем, и её улыбка была ослепительной.

— Я сказал ей избегать этого, — пробормотал Скифас, безуспешно пытаясь звучать более злым, чем весёлым.

— Злобный на вид ублюдок вот этот, — согласился Хабур, поглаживая свою грубую красную бороду, пока жеребец яростно брыкался и кричал. Селена же взволнованно кричала и махала рукой, пока они приближались к нам. Два молодых человека выбежали из конюшни с паникой, начертанной на их лицах, через мгновение, за ними выбежал третий, пыхтя и держась за бок.

— Поводья! — крикнул один из конюхов. — Потяни за поводья!

Селена так и сделала, оттянув верёвку. Она была мелкой девчонкой, совершенно несравнимой по размеру с жеребцом под ней, но Героиня оставалась Героиней. Шея жеребца выгнулась назад так сильно, что на мгновение показалась, что она сломала его шею.

— Не так!..

Затем жеребец яростно закричал и извернулся так сильно, что Селена начисто слетела с него.

Скифас поморщился, а Хабур сочувственно зашипел, когда она ударилась о землю и перекатилась. Её жеребец хмыкнул и щёлкнул зубами в удовлетворение, крепкие и толстые мускулы показались под кожей его ног. Он напрягся и галопом понёсся в противоположное направление от конюшни.

Сол поймал его за свободные поводья, когда жеребец прошёл мимо, и напряг ноги. Этот жеребец был почти таким же высоким, как и мой отец, и вероятно, весил больше чем лошади Скифаса и Хабура вместе взятые. Он смог сделать полшага, прежде чем поводья натянулись в руке Римлянина, и тело жеребца изогнулось, словно спущенная тетива лука. И в этот раз, мы услышали, как сломалась его шея.

Конюхи взвыли от ужаса, пока наш собственный Фракиец закрыл лицо руками, неспособный вынести гротескного зрелища, как ноги жеребца дёргаются и лягаются в предсмертной агонии. Скифас беззвучно двигал губами, молчаливая молитва – хотя была ли она за дух жеребца или за его собственное терпение, я не мог сказать.

Сол закатил глаза: «Поднимайся».

Он пнул умирающего жеребца в бок.

И, с раздражённым фырканием, тот поднялся.

— Притворщик, — сказал я, поражённый наглостью массивного зверя, пока тот отряхивался. Очевидно, совершенно не раненый. Сол отбросил поводья и сломанную уздечку – источник звука, который мы приняли за сломанную шею жеребца – и запрыгнул на его голую спину.

— Возьми мою, — сказал он священной девчонке, когда та поднялась на ноги. Селена поклонилась, хихикая до потери дыхания, и, спотыкаясь, пошла к послушной лошади, что выбрал Сол.

— Полагая, это то, как Аликонцы обращаются со своими лошадьми, — слабо сказал Хабур. Скифас медленно и глубоко вдохнул.

— Наш транспорт готов, — сообщил я, покачиваясь вместе с моей лошадью, пока она ёрзала на месте. Нервная от представления и жаждущая бежать. Отношение, которое я могу уважать. Я поднял бровь на Героя Косящего Шквала. — Куда теперь, пастух?

Намерением Овода было держать нас подальше от цивилизованного общества, пока он не сочтёт нас достойными вернуться в него. Без тени сомнений он хотел избежать очередной Недоброжелательности, по крайней мере, до конца игр, если не вообще всего вопроса преемственности Бушующего Неба. И до тех пор, пока мы желали результата, но не имели средств достичь его самостоятельно, он знал, что он может кормить нас ровно настолько, чтобы мы не умерли с голоду. По одной золотой капле за раз.

Но это только при условии, что мы ничего не знали о героических подвигах Бакхуса. Верное предположение – ровно до того момента, пока свиток Хилона и история моего дорогого дяди не всколыхнула память каждого из наших Героических спутников.

— Хабур, — устало сказал Скифас, вместо прямого ответа. — Где ближайший виноградник?

— Зачем? — спросил Сол, его пыhtящий жеребец огрызнулся на мою лошадь, когда приблизился. Она была не впечатлена.

Закрывая свои глаза от солнца одной рукой, Герой Косящего Шквала оценил небо над головой.

— Пришло время выразить нашу благодарность тем, кто внизу.